

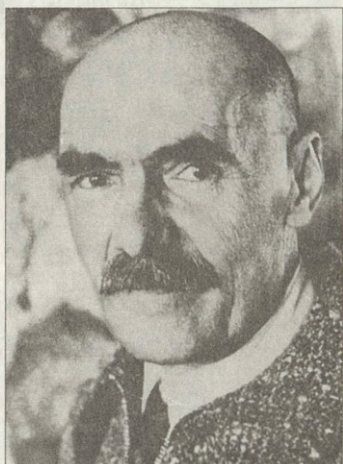
ВИДЕНИЕ КРАСНОГО КОНЯ

Валентина Бородина

«**О**тсюда я всматривался в мир... Здесь прошли годовые смены пейзажа, дожди и бури, весны и зимы, по ним я стану оценивать в дальнейшем эти явления. Здесь обдумывал я людей, животных и птиц. Устанавливал на свои места ценности, симпатии и ненависть. Здесь научился я любить землю — от влажной гряды с набухавшими ростками до ее массива, ворочающего бока луне и солнцу... Вот, очевидно, в это короткое время получил я запасы образов, запасы семян моей родины, от напевов, шепотов, сказов, с утра до постели баюкавших меня, научивших биться детское сердце в унисон с людьми, для которых трудна пчелиная жизнь, но которые умеют ее заискрить неугасающей любовью к земле и к человеку...».

Это признание в любви к родному городу Хвалынску сделал Кузьма Сергеевич Петров-Водкин в автобиографической повести «Хлыновск». Знаменитый художник, без которого немислимо русское искусство предреволюционной и революционной поры, сын горничной и обыкновенного сапожника, своим необычным видением мира был обязан родным местам, Волге, где прошло его детство, куда он постоянно стремился вернуться.

«Здесь на холме, когда падал я наземь, передо

Кузьма Сергеевич
Петров-Водкин —
профессор
Петроградской академии
художеств
Фотография 1930-х годов

мной мелькнуло совершенно новое впечатление от пейзажа...

Я увидел землю как планету... Очерта глазами весь горизонт, воспринимаемая его целиком, я оказался на отрезке шара, причем полого с обратной вогнутостью... Неожиданная, совершенно новая сферичность обняла меня на этом затоновском холме. Самое головокружительное по захвату было то, что земля оказалась не горизонтальной и Волга держалась, не разливаясь на отвесных округлостях ее массива, и я сам не лежал, а как бы висел на земной стене».

Дом на берегу Волги, где родился художник в 1878 году, не сохранился. Он стоял в южной части города перед большим оврагом. Сей-

час в устье причаливают моторки, здесь начинается переправа на Духовницк. Сюда же подходит дамба, отгородившая город в 60-е годы от поднявшейся выше десяти метров Волги — Саратовского водохранилища.

Детские впечатления Петрова-Водкина, составившие основу его автобиографических сочинений, связаны именно с этим местом. Отчий дом художника еще в годы его молодости основательно обветшал, а главное, стал маловат для неожиданно увеличившейся семьи. Родители художника Анна Пантелеевна и Сергей Федорович Водкины взяли на воспитание четырех осиротевших племянников Анны Пантелеевны — Ваню, Шуру, Дуню, Мотю...

Кузьма Сергеевич тогда учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. В его письмах к матери в Хвалынск звучит настойчивая просьба приискать для семьи новый дом. «В первых числах декабря уже наверняка буду в Хвалынске, — пишет он 22 октября 1904 года. — Потом, ведь, кстати, я и насчет дома приеду, который мы решили купить, как его... не помню! Ну, с садиком-то. Не мешало бы повидаться с хозяином — продаст ли его».

Проходит немного времени, и 17 декабря 1904 года

Кузьма Сергеевич шлет матери письмо: «Ты писала насчет дома кузнеца (у ярмарки), так что же он, по-твоему, подходящий для нас? Есть там комната для работы? Я не прочь его купить, если он удобен. Значит за 1300 рублей он может его отдать — если сейчас же заплатить всю сумму. Даже, в крайнем случае, можно было бы полторы тысячи, только бы по вкусу пришелся. Насчет того, что далеко от центра, так это, мне кажется, ерунда. Можно в крайности какую-нибудь крысу-лошаденку завести, чтобы Анне Пантелеевне на базар съездить... Хорошо, если бы тебе удалось поговорить и выяснить историю с домом, ибо ты знаешь, какой я любитель ходить, рассматривать и разговаривать о домах».

«Сегодня или завтра шлю тебе деньги, — сообщает художник 12 июля 1905 года из Петербурга. — Не знаю,

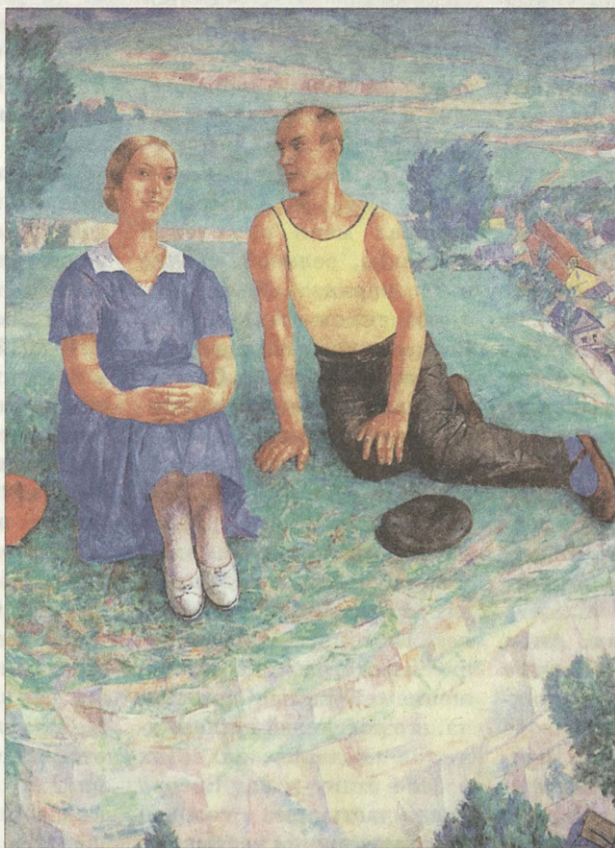
Восстановленный дом родителей художника в Хвалынске
Ныне художественно-мемориальный музей

К.С.Петров-Водкин с женой на пороге дома родителей после венчания
Фотография 1909 года

как с полями — теперь самое лучшее время, чтобы их окрасить — и они хорошо бы просохли. Узнай у Григория, сколько это будет стоить, мне кажется, не дороже 20 рублей... Обои я привезу с собой...»

В том году Петров-Водкин уже окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Деньги, отосланные матери, он получил за майоликовое панно «Богоматерь с младенцем» для фасада ортопедического клинического института Вредена в Петербурге.

Купленный дом находился на южной окраине города, называемой истари Бодровкой, где селились «кузнецы и мордва, занимающиеся отхожим промыслом и прасольством». Как указывал художник в своих воспоминаниях, за домом было поле, где ежегодно устраивались ярмарки. Чуть выше на пустыре вдоль дороги располагались городские

Между этими полотнами 20 лет жизни Петрова-Водкина:

Две девушки. 1915. Радищевский музей

Весна. 1935. Русский музей

кузницы, а дальше начинались сады.

Осенью 1905 года Петров-Водкин приехал к родителям. Он писал из Хвалынска: «...Здесь дивная осень. Сейчас лунная ночь. Сегодня долго с вечера я с моими были в поле перед домом в тихой ночи. Кричал Шурка, кувыркался по полю, а город был уже тихий, сонный, в стороне. Это для моих был праздник».

Позже дочь художника Елена Кузьминична писала в своих воспоминаниях: «Дом стоял на высоком фундаменте под железной шатровой крышей. Большие окна с резными наличниками и ставнями украшали фасады, выходящие на улицу Дворянскую, которая вела в центр города и на улицу Грошовую, поднимающуюся от Волги и заканчивающуюся у старообрядческого кладбища. В доме был зал в пять окон, перегороденный аркой, которую отец украсил живописной головой Демона. Много экзотических цветов: рододендроны, олеандры. Большая изразцовая печь отапливала и соседние комнаты. В кухне — русская печь и масса кладовок. Имелся выход во двор, окруженный хозяйственными постройками — каретником, сараем с сеновалом, хлевом, двумя добротными погребями. Калитка из сарая вела в огород, где стояла банька...»

Мать художника Анна Пантелеевна вела большое хозяйство, успевая управляться и по дому и во дворе со скотиной. «Весь дом, полный сиротами, после дяди Вани принятыми ею к себе, обслуживался руками матери, — свидетельствовал в автобиографической книге «Хлыновск» Кузьма Серге-

вич. — Вечная занятость. Чуткий сон — успеть бы вовремя... Не перекисло бы тесто... Болезненно замычала Красотка, уходя в стадо. Выбилась пакля из дома... Ржавееет крыша. Вечные заботы матери, вечно в колесе труда. Просыпаются в доме, а у матери уже весь двор напоен и накормлен...»

Мария Федоровна, жена художника, сообщала в своих письмах: «В этом доме среди прочих была большая светлая комната с окнами с двух сторон. В ней муж устроил себе мастерскую. Его мать украсила комнату китайскими розами, пальмой, олеандрами и другими цветами. После нескольких шумных дней, наполненных с утра до вечера посещениями родных и знакомых, жизнь вошла в обычную колею, и Кузьма Сергеевич приступил к работе. Мне очень полюбились маленькие козлята, которые не переводились у матери мужа. Кузьма Сергеевич написал меня в красной кофточке, зеленой юбочке и в кавказской шапке, с козленком на коленях. Во время пребывания в родном городе Кузьма Сергеевич написал также портреты матери и отца».

Это описание относится к 1909 году, когда К.С.Петров-Водкин после приезда из Парижа решил навестить родных, которых он не видел в течение четырех лет. К этому же году относится фотография с изображением Кузьмы Сергеевича, его родителей и племянников матери, сидящих в зале этого дома. Вверху видна часть арки с головой Демона, нижняя часть арки скрыта листьями многочисленных растений. К этому же году относятся фотогра-

фии с изображением дома, Марии Федоровны Петровой-Водкиной, сидящей на парадном крыльце с козлятами и кормящей кур с крыльца во дворе дома.

С 1909 по 1916 год Кузьма Сергеевич каждое лето приезжал в Хвалынск, в «родимое гнездышко». Пишет здесь пейзажи «Окрестности Хвалынска», «Красулинка», «Полдень. Лето». Работает над портретами жены, матери, отца, жителей Хвалынска. Создает эскизы к своим знаменитым полотнам «Купание красного коня», «Мать», «Девушки на Волге», «На линии огня» и другие.

18 июня 1911 года Петров-Водкин пишет из Хвалынска жене, что у матери во дворе много живности: «3 маленьких козочки, 28 цыплят, 6 поросят и щенки Латки». Или еще письмо от 28 апреля 1915 года: «...Что касается жизни в саду, я чувствую, что ничто мне не мешает, но здесь (у родителей), у нас во дворе все как у крестьян — заставлено телегами, земля вырыта лошадиными копытами».

В 1912 году Петров-Водкин расписывает Крестовоздвиженскую церковь, расположенную недалеко от дома. Церковь была разрушена в 1930-е годы, еще при жизни художника. Но он тогда этого не узнал: прикованный болезнью к постели, Кузьма Сергеевич не мог приехать на родину, а мать жалеючи скрывала от него эту горькую потерю.

Осенью 1916 заболел отец художника. 18 октября 1916 года Петров-Водкин пишет из Хвалынска жене: «...Отец очень ослабел, но в полном сознании. Его перенесли в столовую, где гораздо лучше...»

К.С.Петров-Водкин. *Фантазия*
1925. Холст, масло

Картина хранится в Государственном Русском музее
Композиция с холмами и перелесками, с широкой рекой
и рассыпавшимися по склонам деревянными домиками, рождена воспоминаниями
художника о родном Хвалынске, а летящий в небе фантастический
красный конь воплощает его мечту о человеческом счастье

«Можно сказать, что закончен один период моей жизни и что подобного счастья уже не будет, возможно, что счастье придет и будет еще больше, чем сейчас, но тихое счастье в этом маленьком уголке... Это счастье ушло, чтобы никогда больше не вернуться, — признается художник в письме от 27 октября 1916 года. — В воскресенье, 23 октября, состоялись похороны моего отца, это был один из самых молчаливых и трогательных моментов моей жизни: его смерть. Впервые в жизни видел я «смерть», особенно же смерть существа, ставшего таким дорогим. Это был день, первый солнца: лучи

его ласкали умирающего... Он умер у меня на руках... Его опустили в землю ровно в полдень 23 октября. Дом так тих, что можно думать, папина душа сторожит его перед небесами».

В годы революции и гражданской войны Петров-Водкин не бывал на родине. Только с 1923 года он возобновляет поездки к матери. Последний раз Кузьма Сергеевич посетил свою «милую родину» в 1931 году. Обострение болезни (на него внезапно обрушился туберкулез легких) и работа на посту первого председателя правления Ленинградского отделения Союза художников России не позволяли ему навещать свою ро-

дину. Во второй половине 20-х годов художник был почти совсем лишен возможности заниматься живописью, так как пораженные легкие обостренно реагировали на запахи масляных красок. Он занимается литературным трудом и создает художественные автобиографические повести «Хлыновск» и «Пространство Эвклида». Связь с матерью он поддерживал с помощью писем. Третью книгу воспоминаний, которую хотел назвать «Мои уюты», художник так и не написал. Временное улучшение состояния здоровья вновь обратило его к живописи.

В 1933 году Кузьма Сергеевич пишет жене из Абас-

Тумана: «Я забыл тебе сказать, что Шостакович с ума сходит от желания купить мой дом. Я ему сказал, что он должен его посмотреть прежде чем решиться, и что я с удовольствием его продам, а для матери куплю другой, поменьше». Но эта сделка так и не состоялась.

В двадцатых годах у Анны Пантелеевны в Хвалынске жила семья архитектора Владимира Васильевича Сулова. В 1919 году тот был назначен заведующим архитектурной секцией по охране, учету памятников искусства и старины Комиссариата Народного Просвещения и командирован для обследования городов сначала Симбирской, а затем Саратовской губернии, Сызрани, Хвалынска, Вольска, Саратова с целью выявления памятников истории и архитектуры. В Хвалынске Владимир Васильевич задержался из-за болезни, где в 1921 году умер. Семья архитектора жила в передней половине дома, а мать художника Анна Пантелеевна жила тогда в задней половине.

В доме Петрова-Водкина бывали известные хвалынские художники: Илларион Автономович Елатонцев — выпускник Петербургской академии художеств; Василий Федорович Орехов — историк, археолог, художник; Лев Алексеевич Радищев — правнук А.Н.Радищева, писатель и художник. Бывал здесь и брат последнего — археолог, орнитолог, естествоиспытатель, охотник, основатель Хвалынского краеведческого музея Михаил Алексеевич Радищев.

В 1920-е годы во время своих летних приездов в Хвалы́нск этот дом посещал известный график П.В.Митурич с женой В.Хлебниковой, художницей, сестрой поэта Велимира Хлебникова. В августе 1926 года в Хвалы́нск приезжал писатель К.Федин к своей сестре А.А.Солониной. Он встречался с К.С.Петровым-Водкиным часто в Ленинграде. С 1925 по 1926 год жил в Хвалынске американский журналист А.Рис Вильямс с женой Люситой.

После гражданской войны вернулся к Анне Пантелеевне в дом ее племянник Шура, изображенный мальчиком в «Купании красного коня». С семьей Шуры доживает в этом доме Анна Пантелеевна до своей кончины 11 марта 1941 года в возрасте 82 лет. Мать пережила Кузьму Сергеевича на два года. (Художник умер 15 февраля 1939 года.) В годы Великой Отечественной войны в этом доме в эвакуации с 1941 года жили жена и дочь Кузьмы Сергеевича. В 1943 году жена художника продала дом.

Впоследствии дом переходил от одного хозяина к другому, претерпел множество переделок и внутренних перепланировок. И только в 1990 году решением исполнительного комитета городского Совета народных депутатов в доме родителей художника было решено открыть художественно-мемориальный музей К.С.Петрова-Водкина.

После реставрации в ноябре 1995 года музей был торжественно открыт.

К.С.Петров-Водкин прожил в Хвалынске первые семнадцать лет — ранние, самые важные годы, когда складывается душа, характер, мысли. Он был привязан к Хвалы́нску, описал его в своей автобиографической книге «Хлыновск», ранней пьесе о событиях 1892 года «В маленьком городке», живописал его в своих многочисленных произведениях. «Свой городок в любых его настроениях всегда чувствуешь, какой он, — писал Кузьма Сергеевич. — Веселый ли, праздничный, деловой ли по-муравьиному, лениво-усталый или больной». Он мог его ругать, возмущаться порой мещанским бытом, хвалынским обществом. Но и гневаясь и раздражаясь на Хвалы́нск, Петров-Водкин любил его, писал о нем, не мог жить без него. В разлуке с ним среди мелькающих впечатлений Петербурга, Москвы, Парижа, Мюнхена, Флоренции и Рима, он не мог забыть город, который воспитал его. Петров-Водкин с острой ностальгической тоской вспоминал забавную пестроту хвалынских улочек, переулков, его воздух — воздух детства: «Пусть меня обвиняют в квадном, географическом патриотизме, но чтобы остаться правдивым до конца, я должен не только сказать, но и воскликнуть: «Только на Волге, только в Хвалынске бывают такие весны. Весны, когда дышишь, купаешься воздухом сквозь всякие стены и заборы».